

словно некая душа страны, большая и загадочная, и сознание, что они существуют, придает мне силы...

Самое сильное впечатление от этой конференции? Дружелюбие, во-первых — делегатов, во-вторых — болгарского народа.

Нас было здесь полтора десятка писателей, говоривших на разных языках, у каждого за плечами свои обычаи, свой образ жизни, свой народ с его особой историей. И помимо, все мы с очень большой пользой

и очень большим удовольствием общались друг с другом; были споры, но не было ссор, ни с чем, кроме — по крайней мере так показалось мне, — кроме дружелюбия и радости, мы здесь не сталкивались...

Мои впечатления о Болгарии, естественно, насквозь пронизаны обезоруживающим гостеприимством, которое оказали нам Союз писателей и простые люди этой страны. Единственное, на что я мог бы пожаловаться, — ну, разве что я прибавил в весе... (с м е е т с я).

В СИСТЕМЕ ПАРАДОКСОВ

Гор Видал

США

Для меня самые важные проблемы сейчас не творческие, больше всего тревожит меня перенаселенность. В мире слишком много людей, слишком мало пищи, слишком мало энергии. Ни идеология Востока, ни идеология Запада, ни Севера, ни Юга — никто не знает, как эту проблему всерьез решить. Между тем надвигается ужасный кризис. Вполне возможно, что род людской прекратит свое существование из-за болезней, голода или случайной войны. Не исключено, что мы живем в последний период цивилизации, и эта мысль больше всего тревожит меня. Я выступаю перед телевизионными аудиториями в Америке, говорю с миллионами людей именно об этом, это моя главная тема, тема очень мрачная, но думать об этом необходимо.

Не вижу ли я хоть сколько-нибудь конструктивных подходов к проблеме? — спрашиваете вы. Боюсь, не слишком ли поздно быть конструктивным, боюсь, что в результате перенаселенности планеты уже нанесен непоправимый ущерб. Как вы знаете, численность населения растет в геометрической прогрессии, а темпы роста сельского хозяйства — в арифметической. Таким образом, численность населения все удваивается и удваивается. Сейчас она составляет четыре миллиарда человек, а лет через двадцать достигнет восьми миллиардов. Если бы все мировые запасы продуктов питания были поровну и абсолютно честно распределены среди всего населения земного шара, калорий хватило бы, чтобы прокормить всех, но не хватило бы витаминов. Поэтому значительная часть человечества все равно погибла бы — из-за недостатка витаминов... Это мне кажется более тревожным, чем все остальное, о чем здесь шла речь.

Вас, судя по всему, шокирует то, что вы называете моей склонностью к парадоксам? Но в самом деле... Мне это действительно кажется более важным, чем все остальное. А мир — ведь вроде бы все за мир, особенно те, кто хочет обеспечить его путем войны (с м е е т с я). Таков парадокс. Гитлер обожал мир, но устроил невиданную бойню, чтобы установить мир по своему

образцу. Наполеон тоже вел войны, чтобы изменить мир по своему желанию. Мир — это нечто вроде флага, которым размахивает каждый, кому не лень. Ну вот и получается, что мир — факт и война — факт, и разве конфликт, собственно говоря, не извечное состояние человека? Смысл цивилизации состоит, видимо, в том, чтобы научиться управлять агрессивными устремлениями человека, его склонностью к соперничеству и использовать их в дарвиновском смысле слова — так сказать, в мирных целях, будь то игра или творческое состязание: кто лучший прозаик — я или Фолкнер, кто лучший поэт — Евтушенко или Оден... [В этом месте я напоминаю Гору Видалу о том, что некоторые его соотечественники убедительно возражают против теории врожденной агрессивности, которые он отстаивает. — Е. С.] Я принимаю к сведению ваше несогласие с этой концепцией, знаю, что и в журнале вы с ней систематически полемизируете. Но ведь в самом деле, если бы не соперничество между нашими двумя странами, разве вы или мы вышли бы когда-нибудь в космос? Таким образом, в этом соперничестве есть определенная творческая сторона, верно? Самое главное, чтобы, продолжая соперничать в космосе, мы не уничтожили бы друг друга здесь, на земле. А так вообще-то соперничество, состязание — одно из средств сублимации агрессивных побуждений, а они заложены во всех нас. Когда они выходят из-под контроля, начинается война. И неразумные общества — а я думаю, что большинство обществ в мире весьма неразумно, — при усилении напряженности не прочь взглянуть на войну как на выход из трудного положения. В Соединенных Штатах, а я уверен, что это относится и к другим странам, всегда, когда возникает кризис внутри страны, начинают говорить об опасности извне. Чтобы люди не подумали, что внутри их общества что-то неладно, говорят о проблемах, существующих вне его. Мы называем это «трансфе-

СОФИЙСКИЙ
ДНЕВНИК

ренцией»; такая «трансференция» способна привести к войне, когда все поубивают друг друга, но нет... Я не думаю, что дело дойдет до войны. Думаю, что все ограничится батальями из-за нефти, энергии, сырья...

Мои романы... В Соединенных Штатах я более известен как политический деятель. Правда, многие читают мои книги, но гораздо больше людей слушают меня по телевидению, когда я выступаю по вопросам о народонаселении, сырье, энергии... Эти темы интересуют меня, и я известен благодаря им.

Вы спрашиваете о моих романах. Я никогда, или почти никогда, не говорю о литературе, хотя время от времени и пишу критические статьи. Впрочем, как мне кажется, широкая аудитория не проявляет к ним большого интереса. Короче говоря, если вы умеете писать книги, зачем писать о книгах? Как вы знаете, я пишу книги, и если люди хотят читать их, то они читают, а если не хотят, никто не заставляет их это делать.

Как был задуман «Бэрр»? Когда я учился в школе, меня просто тошнило от американской истории, как ее преподносили в учебниках... Я находил интересной историю Рима, историю других стран, но только не историю США: она казалась мне смертельно скучной. Потом я стал политиком. Баллотировался в конгресс США, был лидером новой тогда американской партии — Социалистической американской партии, заинтересовался проблемами управления страной, потом — ее прошлым: как она стала такой, какова сегодня. И засел за книги. Это было году в 1963-м или 1964-м. Я провел за этим занятием десять лет — и в итоге появился «Бэрр», с которым вы сейчас как раз в вашем журнале знакомите своих читателей. Я изучил первые пятьдесят лет истории Соединенных Штатов, и хотя эта книга — роман, история в нем отражена, по-моему, очень точно. Я хочу показать, что основатели страны были совсем не такими, какими их изображают в школьных учебниках. Прежде всего это были живые люди, в каких-то отношениях лучше, в других — хуже, нежели их изображают в учебных пособиях.

Сюда же относятся книги «1876» и «Вашингтон, округ Колумбия». Таким образом, в трех книгах охватил всю историю Соединенных Штатов — от революции вплоть до начала президентства Кеннеди. Замечу, что каждая из этих трех книг была в Соединенных Штатах «бестселлером» номер один, каждую называли самой популярной книгой в год ее выхода. И это при том, что все в них противоречит школьным учебникам. Я считаю, что это повод для оптимизма, если люди, никогда не интересовавшиеся историей своей страны, вдруг увлеклись ею — в том виде, как я ее преподносил, как я ее постигал... Потому что, постигая ее сам, я, так сказать, и преподával ее — не как великий профессор-специалист я выходил к читателю, а, скорее, тоже как читатель, стремящийся докопаться до сути вещей...

И вот результатом всего этого оказалась

огромная ответственность — шутка ли! — сознавать, что за все сведения среднего американца из истории Соединенных Штатов отвечаешь персонально ты! Есть от чего прийти в ужас (смеется). А вдруг я неправ? Так вот, я думаю, что в каком-то смысле эти книги могут вызвать интерес у вас в Советском Союзе: любой советский гражданин, прочитав «Бэрра», будет знать об истории Соединенных Штатов ровно столько же, сколько и американец, читающий книги. Вы понимаете, что я не имею в виду специалистов, профессоров, ученых. Но что касается средне образованного человека в Соединенных Штатах, то он знает не больше и не меньше того, что содержит «Бэрр». Таким образом, советский читатель окажется с ним на равных...

Знаете, чем хороши, по-моему, американцы? Тем, что у них нет вообще никакой идеологии. Что? С этим вы тоже не согласны? Тогда попробую уточнить. Многие представления просто «закладываются» в них с детства, со школы, потом их никогда не ставят под сомнение: ненависть к коммунизму, например, просто поразительна. И корни ее — столетней давности... Действие во втором томе моей трилогии, в книге «1876», происходит именно в 1876 году — это дата знаменитых выборов. Знаете ли вы, что коммунизм был предметом спора в Америке еще на выборах в 1876 году? Это было задолго до того, как появился Советский Союз. Это было вскоре после того, как прекратила свое существование Парижская коммуна... Специфическое американское отношение к собственности, империализм, который я осуждаю, возникли и развивались вместе с страной...

А идеологическая обработка — «промывание мозгов» — против коммунизма, против социализма началась, по сути дела, уже в шестидесятые — семидесятые годы прошлого века: те, кто правил страной, по понятным причинам, не желали мириться с профсоюзами рабочих; им вовсе не хотелось упускать прибыли [Обращаю внимание собеседника на противоречия в его рассуждениях об «отсутствии идеологии». — Е. С.]. В общем, сложная страна — Соединенные Штаты: что-то в ней от социализма, что-то от коммунизма, что-то от империализма, что-то от религии — в определенном отношении это очень религиозная страна... В ней нелегко разобраться в двух словах, потому что и ушло на мою попытку понять ее суть целых три объемистых тома...

Вас интересует, что я думаю о софийской встрече... Я никогда раньше не участвовал в таких конференциях, но согласился присутствовать на этой: писателям очень интересно знакомиться друг с другом — это самое важное — открываются каналы общения, происходит обмен информацией. Почему бы, в самом деле, нам самим не разобраться в том, что происходит в других частях земного шара? Думаю, что хорошие писатели быстро понимают друг друга...

Несколько минут назад, кажется, немецкий писатель (не помню, как его зовут) выступил перед нами с речью. Он сказал, что

известные писатели Востока не знакомы читателям Запада только потому, что между частными издательствами капиталистических стран существует сговор... Я так не думаю, я думаю, что корень зла — в нашем провинциализме. Соединенные Штаты, по сути дела, интересуются только самими собой — они представляют собой как бы отдельный замкнутый мир. Долгое время, правда, Соединенные Штаты считали, что стоят на более низкой ступени по сравнению с Англией. Еще сто лет тому назад в Америке преобладали английские книги. Теперь в Англии преобладают американские книги... Впрочем, чтобы у вас не бохла душа, замечу, что ни один французский писатель, за исключением Поля Сартра, не пользовался успехом в Америке. Ни один немецкий писатель не популярен у нас, у нас не читают даже Генриха Бёля, хотя он и лауреат Нобелевской премии. Его книги переводятся, но не читаются. Не пользуется популярностью также и ни один итальянский писатель, кроме Моравиа, да и его читают мало. Не пользуется популярностью и ни один писатель Латинской Америки, хотя она и находится непосредственно рядом с нами, исключение составляет, пожалуй, за последнее время Гарсиа Маркес. Он — единственный, кого хоть немного знают в Соединенных Штатах. Вы говорите о политических предубеждениях наших издателей, я уверен, ради денег они готовы напечатать все, что угодно, они опубликовали бы книги самого сатаны, если бы знали, что сумеют их сбыть. И довод ваш о популярности русской классики я тоже склонен попытаться опровергнуть. Мы знакомы с русской литературой благодаря случайности. Некто Констанция Гарнет перевела на английский язык Толстого, всего Достоевского, многие произведения Тургенева, хотя в основном Тургенева мы получили от французов. Таким образом, поколение Фолкнера действительно воспитывалось на русской литературе. Еще до резолюции, приблизительно в 1910 году, в Англии стали читать русских. Это, а кроме того, и побывавшая в Париже и Лондоне балетная труппа Дягилева и еще Стравинский сделали свое дело. Россия вдруг превратилась в самую значительную и интересную страну в культурном отношении. Не удивительно, что стали зачитываться русскими романистами, жившими лет за тридцать до этого. Ну, а сейчас как-то уж сложилось мнение — не спорю, быть может, и ошибочное, — что наследники Толстого и Тургенева сильно им уступают. Правда, вы, в свою очередь, тоже можете утверждать, что мне, скажем, далеко вато до Марка Твена (с м е е т с я). Рано или поздно, конечно, книги советских писателей будут опубликованы, я уверен. Впрочем, кое-кого из ваших нынешних писателей у нас знают: у русских поэтов большая аудитория в Америке — у Евтушенко, Андрея Вознесенского много поклонников, в то время как у американских поэтов их вовсе нет. Должен сказать вам, в Америке из романистов тоже мало кто пользуется успехом. Здесь, на конференции, присутствует

один американский романист — Джон Чивер. В общей сложности нас, серьезных писателей, пять-семь — не более того. И еще с десяток писателей средних — уровня Гарольда Робинса. Вот, пожалуй, и все. Книг появляется великое множество, а читает их лишь около двух процентов населения. Правда, многих писателей и я не читаю, чтение романов — отнюдь не мое любимое времяпрепровождение, если, конечно, речь не идет об очень хороших романах. Вообще средний американец примерно 8 часов в день проводит у телевизора. Дети воспитываются на телевизионных передачах, а не на книгах — родители ведь не читают... Легче включить телевизор, усадить перед ним ребенка — вместо соски, чтобы уж приковать к экрану. Нелегко будет пристрастить лотом к чтению такое дитя... И в этом смысле нам угрожает кризис, у нас может вырасти поколение, понятия не имеющее о литературе, поколение, которое не будет уметь ни читать, ни писать... Но вот вы говорите, что у вас читают много. Простите меня за мои слова, я полагаю, что в этом смысле Россия — старомодная страна, нет, этим я вовсе не хочу обидеть вас, вашу страну или хозяев нашей встречи, потому что то же я думаю и о Болгарии — она живет еще как будто в XIX веке, в 1895 году! Семейная структура та же, люди все еще много читают, к культуре относятся с огромным пиететом и так далее. Соединенные же Штаты словно живут в другом тысячелетии — в каком-то отношении лучше, в каком-то хуже. В общем, ничего схожего. И принимая к сведению ваши возражения, я все же остаюсь при своем мнении.

Перспективы культурных обменов? Я считаю, они могут быть хорошими. Думаю, что препятствия возникают из-за бюрократизма каких-то контор. Во всяком случае, то, что делается в рамках Организации Объединенных Наций или ЮНЕСКО, выглядит неплохо, мне кажется. Наши правительства просто должны платить за переводы книг. Я хочу сказать, что, видимо, советскому правительству стоит платить своим переводчикам книг советских писателей на английский язык, так как в Америке, пожалуй, не найдется достаточно хороших переводчиков с русского языка, а потом, может быть через посольства, консульства, пытаться заинтересовать американских и английских издателей... чтобы издатели смогли прочесть книги на английском языке, причем в хороших переводах; наверно, так легче добиться расширения публикации...

Вы любезно полагаете, что, быть может, за своей иронией я пытаюсь спрятать гуманизм... Не знаю, как насчет гуманизма, скорее, я реалист: в том смысле, что если бы, допустим, президент Никсон воровал деньги, то я так и сказал бы — что он их ворует. И отставал бы свое мнение. Между прочим, мой «Бэрр» вышел в период Уотергейтского дела, когда у Никсона были

трудности. Все стали проявлять огромный интерес к прошлому своей страны, интерес к конституции, к тому, что представляли собой другие президенты, что они делали. Неожиданно у меня появилась огромная аудитория — «Бэрр» стал одной из популярных книг у нас...

Что я написал за последнее время? Вторым том трилогии — «1876». «Вашингтон, округ Колумбия», написанная в 1967 году, — ее напечатали в вашем журнале, — собственно говоря, представляет третью часть трилогии. Затем я написал первую книгу — «Бэрр» и, наконец, вторую часть — «1876». Вы спрашиваете о книге, которую я сейчас заканчиваю? Ну, здесь речь идет о настоящем конце света. Очень занятый роман. Из моей черной серии. Вы говорите — Оруэлл? Да, что-то в этом роде, только еще резче сатира, еще убийственнее, я бы сказал. Действие? В очень недалеком будущем. Собственно, я уже закончил его, собираюсь публиковать, как только вернусь домой. Не знаю, будет ли эта вещь бестселлером, вряд ли. Сейчас думаю уже над новым романом, опять историческим. И еще только что издал книгу своих критико-

политических эссе. Представьте, распродано двадцать тысяч экземпляров — ни одна книга этого жанра не распродавалась в таком большом количестве — и всего лишь за два месяца...

Что мне труднее всего дается в смысле профессиональном? Пожалуй, найти верный тон: если он найден — рассказывайте какую угодно историю, она дойдет, ей поверят. И еще дело в том, чтобы точно выбрать рассказчика. Сейчас я стал писать от первого лица, поэтому для меня так важно точно выбрать персонаж, от лица которого велось бы повествование. В первом варианте моей новой книги это повествование вел не тот герой — и получилось ужасно. Пришлось все переписывать...

Однако вы все хотите отыскать во мне гуманиста? Ну вот, черный роман мой заканчивается на довольно-таки веселой ноте, веселой — ну да, как в «Механическом апельсине», пожалуй, верно, только еще чернее... Да, чернее... Еще чернее... Индиго (с м е т с я)... Да, наверно, чтобы очень уж напугать перспективой конца света. Может, тогда он, в конце концов, не наступит?

ПРИЗНАНИЕ В ВЕРНОСТИ

Чарльз П. Сноу
АНГЛИЯ

Писатель и война, писатель и мир... Не знаю, известно ли вам, что в 1935 году я был участником конгресса писателей в Париже — молодой, начинающий литератор, — как раз в то время я закончил свой первый серьезный роман «Поиски». Он переведен на русский язык — правда, тогда особой известности он мне не принес... А потом — Испания... В тридцатые годы Испания была для нас проблемой номер один. Вы спрашиваете, что бы я сделал, повторись ситуация вновь? Убежден, повел бы себя точно так же. Друзья, которых я приобрел тогда, остались у меня на всю жизнь. Я не принадлежу к тем людям, которые отворачиваются от своей юности...

Ну что вам сказать об атмосфере тех лет? Ужасное, кошмарное было время. Все ощущали неизбежность войны. Испания стала своего рода прелюдией к ней. Мы были уверены, что если проиграем войну в Испании, то проиграем в будущем и войну с Гитлером в Западной Европе. А этого нельзя было допустить — вот одна из причин, почему нас так тревожили события в Испании. Многие думали тогда о войне — какой она будет, однако реальность заставляла взглянуть на все по-иному. Что касается меня, то я подходил к происходящему с практической точки зрения — я понимал, что придется воевать, поэтому нужно было овладеть военным искусством...

С кем из советских писателей я встречался на Парижском конгрессе? Помню, что разговаривал с Алексеем Толстым. Да, конечно же. Он уже был в то время пат-

риархом. Он произвел на меня очень большое впечатление. Встречался с Михаилом Кольцовым. Если не ошибаюсь, там же был и Илья Эренбург — во всяком случае, смутно помнится, что он прекрасно выступал, лучше, чем мы все...

И вот теперь — София. Честно говоря, я никогда не допускал мысли, что две державы — СССР и Соединенные Штаты Америки — могут когда-нибудь выступить друг против друга. И даже не столько из-за объективных или морально-этических причин, сколько из-за простого здравого смысла, в который я очень верю. Здравый смысл часто правильно руководит поступками людей, он заставляет подумать о той, например, ответственности, которую взвалит на себя страна, начни она войну. Сложившаяся сейчас в мире ситуация не имеет ничего общего с тем, что было в середине тридцатых годов. Тогда был кошмар...

Сейчас, когда я думаю о Советском Союзе и Соединенных Штатах, то все больше утверждаюсь в мысли, что мирное сосуществование держав с разным социальным строем — социалистическим и капиталистическим — реальная возможность. Практически самое важное — сохранить мир между СССР и США. Еще нужно препятствовать распространению ядерного оружия. Полагаю, что это возможно, здравый смысл должен победить. Он, как я уже говорил, оказывается сильнее многих намерений. Правда, я не думаю, что сложившаяся в мире ситуация кардинально изменится в ближайшие тридцать — сорок лет, во всяком случае, я не доживу до этих изменений. На